

Слово - мастерам

Владислав ЛЕЦИК

выпускник БГПИ 1967 года,
член Союза писателей России

Стихи

* * *

Карфаген должен быть разрушен!
Катон старший

Стоишь у моря, гордость финикийцев,
Всей Ойкумены чудо и краса,
И, к вящей злобе алчных италийцев,
Твои по миру реют паруса.

Твои дворцы полны богатств несметных,
И в рощах лавра горлинка поёт,
И нумидийка в золотых браслетах
По рынку чёрным лебедем плывёт.

Но злой рефрен уже заздравным тостом
Седой сенатор в Риме прокричал.
Он слышит тяжкую центурий поступь,
Твоих руин он чует дым и чад.

Он знает, что твои уснули боги,
Что в Рим твоё богатство уплывёт,
И нумидийка к его белой тоге,
Как чёрная жемчужина, прильнёт.

И волны у сожжённого причала
Прошепчут злой пророческий рефрен.
Давно уж нет на свете Ганнибала
И не спасти прекрасный Карфаген.

6 апреля 2008

Агасфер

Мы все кого-то, так или иначе,
Ударили. Безжалостней хлыста
Слепое слово просвистит. А значит,
Мы все в свой срок ударили Христа.

Я многих бил – несправедно сурово.
Иных уж нет, они уж не простят.
А вежливость прощенья от живого –
Какой необязательный пустяк!

В миг просветленья, вспыхнувший когда-то
В потёмках зла, я сам себя спросил:
Ну, а скажи – простил бы сам себя ты?...
Вот так-то. Это свыше всяких сил.

То ослеплён, то, прозревая в боли,
Плетусь по жизни к своему концу.

Простят ли там, за гранью сей юдоли,
Известно лишь предвечному Отцу.

6 марта 2008

Панночка

Памяти сына

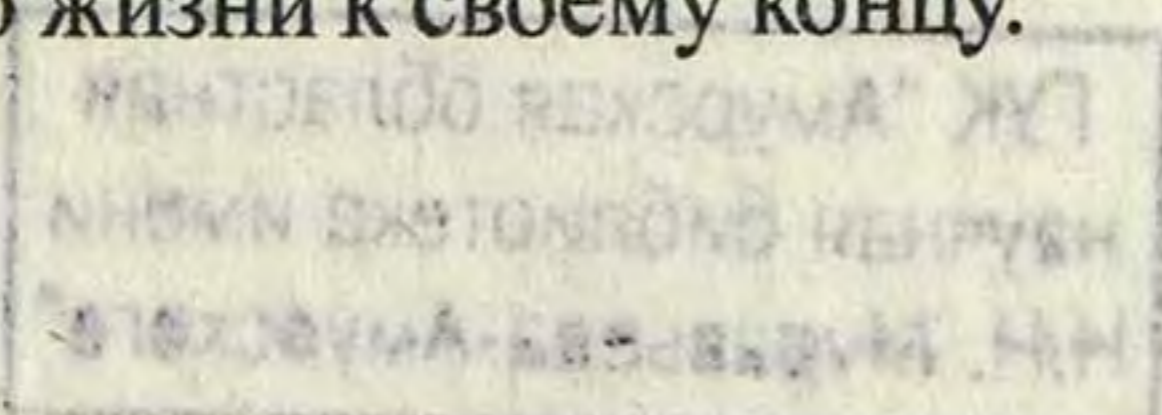
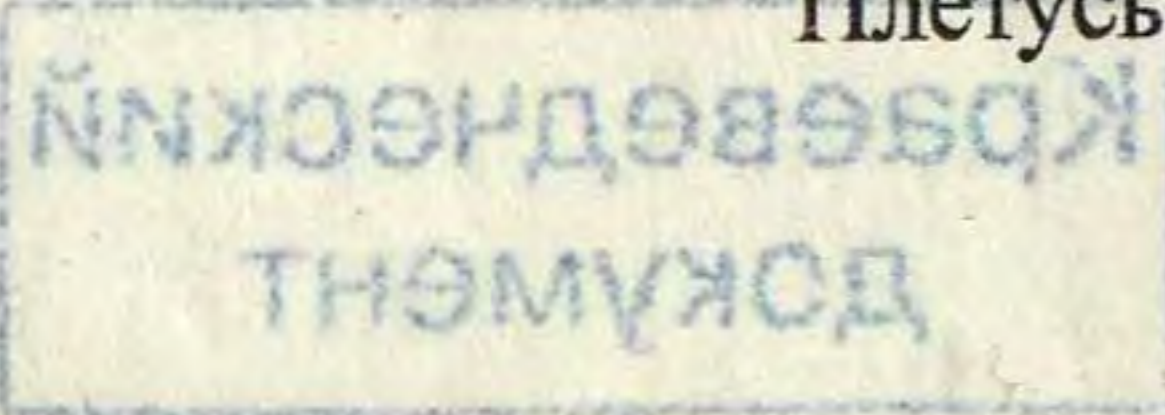
Какая трепетная ночь!
Луна над крышею блистает,
В окне свеча слезою тает,
Философ Библию листает.
Он искушенья гонит прочь,
Он жаждет в том себе помочь,
Но за окном – такая ночь!
А в небе панночка летает.

Философ юный, не шути
С кругами сладкими соблазна.
Она во зле разнообразна –
Умна, безумна и прекрасна.
Столкнутся ваши вдруг пути –
И всё, конец – свеча погасла.
Не вымолвишь ты и «прости»...
Чертополоху там цвести,
Где жизнь твоя цвела так страстно,
Так коротко – и так напрасно...

Заплачет мать. И никакие
На помощь не придут слова.
Ты мёртв – а панночка жива,
И мы тут все стоим живые.
Твои, философ, огневые
Укоры горькие, слепые
Понятны нам едва-едва...

Но вот вечерняя заря
Вновь уступает место ночи,
Той, трепетной. И сердце хочет
Узреть, как панночка, паря
В ночи, и плачет, и хохочет,
Зовёт тебя к себе, горя
Огнём раскаянья. Клокочет
В ней поздний стыд? Или пророчит
Вам счастье общее? И очень
В то счастье верит мать. Сыночек!
Родной! Ты, знаю, жил не зря...

4 апреля 2008

Археология

Случайно ковырнул завалы памяти –
И вдруг сверкнул далёкий детский день.
Я обомлел: эй, все!.. Ах, нет... – ступайте,
Для вас моя находка – дребедень.

Тот день... Отец и мать, давно покойники,
Там живы. Там за городом овраг,
Там в стайке молоко звенит в подойнике,
Там ласточки, там Эдя-Брэдя – враг.

«Он пе-ервый, мам!..» – В углу упрямым
каменным
Известку нюхаю, а в горле – злой комок.
Слёз нет – но с поцелуем сладким маминым
Он хлещет, покаянный их поток.

И – солнце! И, обидами не бредя,
Я снова вижу небо над собой,
И Эдя-Брэдя, тот, что съел медведя,
Уже не враг – он вновь союзник мой.

И в поле выбегающие улочки,
Что муравой зелёной заросли,
Рыбалка, наспех срезанные удочки,
В руке карасик – и закат вдали,

И паровоз, гудящий неизменно
На станции родимой Завитой,
И чудо величайшее Вселенной –
Соседской Лорки локон золотой!

Подходит ночь, дремотой веки тронув.
Бреду в постель, чтоб вновь её спасать
От кровожадных сиу и гуронов...
«Сынуля! Ноги вымыл?» – спросит мать...

Ты горестна, сердце археология!
Находки те – в музее снов моих.
Когда паду в конце своей дороги я,
Безмолвный прах останется от них.

Наполеон

(Россия, палата номер шесть)

Богарне ты моя, Богарне!
Оттого что я с Корсики, что ли,
Но любовь меня греет в неволе
В этой дикой холодной стране,
Жозефина моя Богарне.

Незакатно горишь вдалеке
Солнцем сладостным Аустерлица...
Что пришлось тебе с жизнью проститься –
Это враки коварной лисицы
Талейрана со шприцем в руке.

Он не сношен, мой серый сюртук
(У бояр он зовётся халатом).
Стоит бросить мне клич по палатам –
Массена, Ней бесстрашный с Мюратом
Гренадеров поднимут вокруг.

И в стремительной новой войне
Я возьму все Москвы и Парижи,
Чтобы стала ты мне ещё ближе,
Чтобы слышать твой смех в тишине,
Богарне ты моя, Богарне!

* * *

Всё забыто – и взлёты, и промахи...
Весь мой город наполнен тобой.
В сентябре не белеют черёмухи,
Не искрится сугроб ледяной,

Но зато как пылает рябинами
Сквер у Зейской – как сердце моё!
И чириканьями воробьиными
Хор небесный о давнем поёт.

Я уж думал – оно не воротится,
Так и брёл по безверию дней.
Ты молись за меня, протопопица,
И не дрогну я в вере своей.

* * *

Есть сделка – верьте, не верьте вы –
Меж Марфою и Кузьмою:
Она ему – Двадцать третьего,
А он её – на Восьмое.

Счастливые вы, дальтоники!
Цветник у вас – дважды в году,
А так – различаете только
Картошку да лебеду.

Мой случай похуже, однако.
Бывает, в течение лет,
Слепой от кромешного мрака,
Не вижу ни роз и ни реп.

А солнце взойдёт – и нелепо
Мечусь меж цариц и богинь.
То розу жую, словно репу,
То нежно вдыхаю полынь.

* * *

Я не верю в любовь на полставки.
Ставка – жизнь. Что – рубить пополам?
Вы представьте, вы только представьте
Этот кровью залитый Бедлам!

Вы уходите? Что ж, отпускаю.
Не гонюсь, не молю, не кляню.
Одиноким, оставившим стаю,
Буду волком я выть на луну.

И в морозной ночи будет сниться,
Будто воем ответным поёт
Одинокая чудо-волчица,
Недоступное счастье моё.

* * *

Смотрю на чёрный телефон,
А он – чернее ночи.

Та, что взяла меня в полон,
Моя бессонница, мой сон,
Звонить не хочет!

Она – семь пятниц на уме –
Боится воскресений
И бродит где-то по зиме,
По белой северной зиме.
А я – весенний.

Озябший тополь на семи
Ветрах студёных, шалых...
О Боже правый, осени
Её прозрением. Всели
Ей в сердце жалость!

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать –
До Марта вдруг не хватит их!..
Ещё не скоро хлопнет слякоть,
Ещё морозец не утих,

Но почерк рвётся, замирая
В слепой отчаянной ходьбе,
Как будто я в безумстве мая
Несу черёмуху тебе.

Предрассветное

Ты там, далеко. А я тут.
Одни мы на свете.

И голые ветви поют
В предутренний ветер.

Слова, что тебе я шепчу, –
Ну кто тебе скажет?
Таких ты, я верить хочу,
Не слышала даже.

Всё счастье, что есть на земле,
В них стынет в печали,
Как будто в синеющей мгле
Грачи прокричали.

В дрожании милых ресниц –
Укор. Ты не можешь
Тех слов своей давней весны
Забывать. Ну и что же?

Былое, моё и твоё,
Быльём порастает.
И трижды петух пропоёт,
И утро настанет,

И мне не отречься уже,
Тебе не отречься, –
Как будто в крутом вираже
Мы падаем в вечность.

И это – паденье во сне,
В блаженстве и жути,
Навстречу последней весне
И первой – по сути.

«Владислав Григорьевич, здравствуйте! Здравствуйте и пишите! И мы, ваши читатели, каждый в силу своих возможностей, будем здороветь рядом с Вами».

Я говорю, конечно, не о здравии телесном, хотя его присутствие трудно переоценить. Но о здравии духовном – о весеннем обновлении души, о бодрствовании духа.

Лецик – поэт весенний. Его настоящее – всегда поворот на весну. Представленные сегодня стихи – вновь об этом. Он принципиально не ретроспективен, не эпичен. Даже его «археология» не «музейна», а жива, сердечна. В ней то, что болит сейчас: любовь к Христу, к матери, к родному дому, к сыну, к женщине. Что может быть более вечно?

Лецик – поэт бесстрашный. Не страшась предъявить себе счёт: «Ну, а скажи – простил бы сам себя ты?.. / Вот так-то. Это свыше всяких сил». Его лирический герой не верит «в любовь на полставки» – «Ставка – жизнь. Что – рубить пополам?». И чувствуется, что это не просто слова. Они настолько просты, что понимаешь: за ними – жизнь.

Лецик – поэт бодрствующий. Камертон, настроенный на правду, как бы горька она ни была: «Мы все в свой срок ударили Христа». Он всегда с нами, всегда против, а значит – всегда за нас. За нас лучших, порой неведомых самим себе.

Поэзия Владислава Лецика естественно-парадоксальна: «И это – паденье во сне, / В блаженстве и жути, / Навстречу последней весне / И первой – по сути». Парадокс, собственно, и есть поэзия, смысл которой, не в словах, но между. Он, собственно, и есть жизнь, которая «качнётся вправо, / качнувшись влево»...

С. Красовская